



ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА
СООТВЕТСТВИЯ ПУНКТА 3 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 73
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РА
КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА
ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ЗАЩИТНИКА
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

г. Ереван

8 октября 2013 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна (докладчик), Ф. Тохяна, М. Топузьяна, А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна, А. Петросян, В. Погосяна,

с участием:

начальника Управления правового анализа аппарата заявителя — Защитника прав человека РА А. Вардеваняна, специалиста того же Управления С. Юзбашяна,

привлеченных в качестве стороны-ответчика по делу официальных представителей Национального Собрания РА — начальника Управления экспертизы Аппарата Национального Собрания РА С. Юзбашяна, главного специалиста Отдела правовой экспертизы С. Амбарцумян, эксперта Исследовательского и аналитического центра А. Сардарян,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 8 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 68 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия пункта 3 части 1 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения Защитника прав человека Республики Армения”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное 31.05.2013 г. в Конституционном Суде РА обращение Защитника прав человека РА.

Изучив письменное сообщение докладчика по делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Уголовно-процессуальный кодекс РА и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Уголовно-процессуальный кодекс РА принят Национальным Собранием РА 1 июля 1998 года, подписан Президентом РА 1 сентября 1998 года и вступил в силу 12 января 1999 года.

Пункт 3 части 1 статьи 73 Кодекса, озаглавленной “Права и обязанности защитника”, устанавливает:

“1. Защитник в целях выяснения обстоятельств, опровергающих обвинение, исключая ответственность подозреваемого или обвиняемого либо смягчающих наказание и меры процессуального принуждения, для ограждения их законных интересов, оказания подозреваемому и обвиняемому юридической помощи в установленном настоящим Кодексом порядке имеет право:

3) по предложению органа уголовного преследования участвовать в осуществляемых следственных или других процессуальных действиях; с разрешения органа уголовного преследования участвовать во всех следственных или других процессуальных действиях, осуществляемых по его ходатайству органом уголовного преследования; участвовать в любом следственном или процессуальном действии, осуществляемом с участием его подзащитного, если этого требуют подозреваемый или обвиняемый либо об этом к началу действия ходатайствует сам защитник”.

Со дня принятия пункт 3 части 1 статьи 73 Кодекса не подвергался изменениям.

2. По мнению заявителя, оспариваемые нормы Кодекса противоречат положению, закрепленному первым предложением части 1 статьи 20 Конституции РА.

Согласно заявителю, касающееся прав защитника регулирование, согласно которому защитник имеет право с разрешения органа уголовного преследования участвовать во всех осуществляемых органом уголовного преследования по его ходатайству следственных и других процессуальных действиях, приводит к ограничению механизмов осуществления этого права в случае, когда подозреваемый или обвиняемый, имея защитника, в рамках следственных действий не требует его участия, а об этом ходатайствует сам защитник. Заявитель считает, что с предоставлением органу уголовного преследования подобных полномочий на практике возможны неуместные и неправомерные ограничения, связанные с участием защитника в следственных и других процессуальных действиях. Согласно заявителю, также не ясно, какую цель преследовал законодатель, предусматривая для защитника как одного из основных участников уголовного производства помеху и/или ограничение в исполнении его обязанностей, а именно "...к началу следственного действия об этом ходатайствует сам защитник".

Для обоснования своей точки зрения заявитель считает необходимым отметить, что в Кодексе отсутствуют четкие условия и/или основания, при наличии которых орган, осуществляющий уголовное производство, может "не позволить" защитнику участвовать в следственных или других процессуальных действиях, осуществляемых по ходатайству защитника.

На основании собственного толкования термина "к началу" в оспариваемых положениях Кодекса заявитель считает, что указанный термин в буквальном толковании в соответствии с требованиями части 1 статьи 86 Закона РА "О правовых актах" означает, что во всех тех случаях, когда защитник заявляет ходатайство об участии в уже начавшемся следственном действии, подобное ходатайство, согласно оспариваемым положениям Кодекса, должно быть отклонено, так как не соблюдено предусмотренное Кодексом временное требование "к началу".

Ссылаясь на вынесенные по делам "Санди Таймс" против Соединенного Королевства и Марке против Бельгии постановления Европейского суда по правам человека относительно правовой определен-

ности и на Постановление Конституционного Суда РА ПКС-753, заявитель находит, что термины “с разрешения” и “к началу” в оспариваемых положениях Кодекса не соответствуют принципу правовой определенности и содержат реальный риск разночтений, в результате чего может быть нарушено право лиц на получение юридической помощи и предоставление защитником правовой помощи своему подзащитному в ходе следственного действия может находиться под серьезной угрозой.

3. Сторона-ответчик в основном не возражает против аргументов заявителя.

Обращаясь к аргументу заявителя, согласно которому в законодательстве отсутствуют четкие условия и/или основания, при наличии которых орган, осуществляющий уголовное производство, может “не позволить” защитнику участвовать в следственных и других процессуальных действиях, осуществляемых по ходатайству защитника, сторона-ответчик также констатирует, что закон не указывает те основания, только при наличии которых может быть ограничено право защитника участвовать в следственных и других процессуальных действиях. В связи с этим сторона-ответчик предполагает, что если по закону нет обстоятельств, исключающих участие защитника, то необходимо обеспечить беспрепятственное участие последнего, и высказывает мнение, что ограничения могут касаться таких следственных действий, как освидетельствование (статья 220), личный обыск (статья 229) и экспертиза (статья 248).

Обращаясь к следующему аргументу заявителя в связи с правовой неопределенностью, сторона-ответчик, не исключая необходимость участия защитника не только с самого начала следственного действия, но и в ходе следственного действия, также находит, что оспариваемая норма Кодекса может стать причиной разночтений и основанием ограничения участия защитника в следственных и других процессуальных действиях.

В результате исследования уголовно-процессуальных кодексов стран СНГ сторона-ответчик находит, что они также свидетельствуют, что защитник беспрепятственно участвует в тех следственных и других процессуальных действиях, которые осуществляются при участии его подзащитного или когда инициатором проведения следствен-

ных или других процессуальных действиях является сам защитник или его подзащитный. Одновременно, ссылаясь на конкретные статьи уголовно-процессуальных кодексов ряда стран СНГ, ответчик констатирует, что в указанных странах защитник участвует в следственных и других процессуальных действиях с разрешения органа уголовного преследования.

Подводя итог, сторона-ответчик считает, что предусмотренное сопоставляемыми нормами Кодекса правовое регулирование, когда с разрешения органа уголовного преследования ограничивается участие защитника в осуществляемых по его ходатайству следственных и других процессуальных действиях, может стать основанием ограничения права подзащитного на получение юридической помощи, не гарантируя полноценной защиты его прав и законных интересов.

Одновременно сторона-ответчик констатирует, что в Национальном Собрании РА вошел в обращение дополненный вариант проекта Уголовно-процессуального кодекса РА (код документа К-084-14.09.2012, 10.06.2013-ПИ-010/0), предлагаемым которым правовым регулированием будут устранены имеющиеся в Кодексе ограничения для защитника и будет гарантировано беспрепятственное участие последнего в следственных и других процессуальных действиях, осуществляемых и при участии подзащитного, и по ходатайству защитника или его подзащитного. Согласно стороне-ответчику, пункт 3 части 1 статьи 49 проекта, озаглавленной “Права и обязанности защитника”, изложен в новой редакции, согласно которой:

“1. Защитник в целях выяснения опровергающих обвинение, исключаящих ответственность обвиняемого либо смягчающих наказание и меры процессуального принуждения обстоятельств, а также защиты его прав и правомерных интересов в установленном настоящим Кодексом порядке имеет право:

3) участвовать в доказательственном или ином процессуальном действии, осуществляемом с участием его подзащитного; участвовать в доказательственном или ином процессуальном действии, осуществляемом по его ходатайству или по ходатайству его подзащитного; в иных случаях по предложению следователя участвовать в доказательственном или ином процессуальном действии ”.

4. Первый абзац части 1 статьи 73 Кодекса устанавливает стратегические и тактические цели участия защитника по уголовным делам, а именно: выяснение обстоятельств, опровергающих обвинение, исключая ответственность подозреваемого или обвиняемого либо смягчающих наказание и меры процессуального принуждения, и защита законных интересов подозреваемого или обвиняемого, оказание им юридической помощи.

Учитывая цель участия защитника в досудебном производстве по уголовному делу и обусловленную этой целью роль защитника, Конституционный Суд находит, что оспариваемую норму Кодекса необходимо рассматривать в контексте закрепленного первым предложением части 1 статьи 20 Конституции права на получение юридической помощи и закрепленного в части 1 статьи 18 Конституции права на эффективные средства правовой защиты в иных государственных органах.

5. Согласно части 1 статьи 18 Конституции РА “каждый имеет право на эффективные средства правовой защиты своих прав и свобод в судебных, а также иных государственных органах”.

Согласно положению, закрепленному первым предложением части 1 статьи 20 Конституции РА, “каждый имеет право на получение юридической помощи”.

Часть 1 статьи 43 Конституции РА не рассматривает право на эффективные средства правовой защиты в судебных, а также иных государственных органах как подлежащее ограничению право, а закрепленное первым предложением части 1 статьи 20 Конституции РА право на получение юридической помощи подлежит ограничению только законом, “...если это необходимо для защиты в демократическом обществе государственной безопасности, охраны общественного порядка, пресечения преступлений, охраны здоровья и нравственности общества, защиты конституционных прав и свобод, чести и доброго имени других лиц”.

Статья 18 Конституции дает каждому, в частности, право на эффективные средства правовой защиты в иных государственных органах, чему напрямую соответствует обязанность государства закрепить как на законодательном уровне, так и в правоприменительной практике наличие эффективных средств правовой защиты. То есть на за-

конодательном уровне не должны быть установлены такие правовые механизмы, которые с первого взгляда выступают как гарантии реализации данного правового механизма, однако в деталях регулирования фактически лишают смысла либо ограничивают эти правовые механизмы.

Возвращаясь к закрепленному первым предложением части 1 статьи 20 Конституции, в числе прочего, праву на получение юридической помощи посредством защитника и учитывая то обстоятельство, что указанное право в конечном счете направлено на правовую защиту законных интересов субъектов права в судах и других государственных органах, Конституционный Суд находит, что рассматриваемое право предполагает **полноценность** юридической помощи, что обусловлено **эффективностью** осуществления обязанности предоставления защитником юридической помощи, **учитывая возможность ограничения данного права по закрепленным в части 1 статьи 43 Конституции основаниям**. Именно в соответствии с этим рассматриваемому праву, закрепленному первым предложением части 1 статьи 20 Конституции, соответствует обязанность государства гарантировать как на законодательном уровне, так и в правоприменительной практике эффективное осуществление обязанности предоставления защитником юридической помощи, а в случае возникновения каких-либо препятствий предпринимать шаги для их устранения.

Одновременно в рамках рассмотрения настоящего дела Конституционный Суд находит, что для реализации права на правовую защиту в государственных органах и права на получение юридической помощи законодательно могут быть выдвинуты определенные требования либо порядок реализации указанных прав может содержать некоторые формальные условия, которые, однако, не должны быть в таком объеме, чтобы сделать неэффективной реализацию этих прав, исказить их суть или превратиться в такое ограничение права, которое не преследует какой-либо правомерной цели.

6. Оспариваемый пункт 3 части 1 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса РА предусматривает три ситуации участия защитника в следственных или других процессуальных действиях:

а/ по предложению органа уголовного преследования защитник участвует в осуществляемых следственных или других процессу-

альных действиях. Учитывая обстоятельство закрепления в пункте 3 части 1 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса РА иных случаев участия защитника, Конституционный Суд констатирует, что рассматриваемый случай касается тех ситуаций, когда следственное или другое процессуальное действие не осуществляется по ходатайству защитника или в его осуществлении не участвует подзащитный;

б/ с разрешения органа уголовного преследования защитник участвует во всех следственных или других процессуальных действиях, осуществляемых по его ходатайству органом уголовного преследования;

в/ участвует в любом следственном или процессуальном действии, осуществляемом с участием его подзащитного, **если этого требует подозреваемый или обвиняемый либо об этом к началу действия ходатайствует сам защитник.**

В связи с правовым регулированием, указанным в вышеупомянутом подпункте “а”, Конституционный Суд считает правомерным обусловить в оспариваемой норме Кодекса участие защитника в следственных или других процессуальных действиях, не осуществляемых по ходатайству защитника или с участием подзащитного, предложением органа уголовного преследования.

В связи со случаем, представленным в вышеупомянутом подпункте “б”, Конституционный Суд констатирует, что законодатель для реализации права на правовую защиту в государственных органах и права на получение юридической помощи выдвинул определенное требование - **разрешение органа уголовного преследования.**

Конституционный Суд учитывает то обстоятельство, что в **Уголовно-процессуальном кодексе РА отсутствуют те основания**, при наличии которых орган, осуществляющий уголовное производство, вправе не позволить защитнику участвовать в следственных и других процессуальных действиях, осуществляемых по ходатайству защитника, что констатирует также сторона-ответчик по настоящему делу, и что в аспекте ограничения конституционного права на получение юридической помощи могло считаться правомерным в контексте оснований, закрепленных в части 1 статьи 43 Конституции. Существенным является также то, что в данном случае речь идет о следственных и других процессуальных действиях, осуществляемых не по инициативе органа, осуществляющего уголовное производство, а по ходатайству

самого защитника. Конституционный Суд находит, что положение оспариваемой нормы Кодекса об обуславливании участия защитника в следственных и других процессуальных действиях, осуществляемых по ходатайству защитника, разрешением органа уголовного преследования, в нарушение положений части 1 статьи 43 Конституции, выступает как положение, ограничивающее конституционные права на правовую защиту в государственных органах и на получение юридической помощи, и как следствие, ограничивающее конституционное право на эффективные средства правовой защиты в государственных органах. Более того, подобное ограничение не преследует какой-либо правомерной цели.

В связи со случаем, представленным в вышеупомянутом подпункте “в”, Конституционный Суд констатирует, что законодатель для реализации права на правовую защиту в государственных органах выдвинул определенное требование – **наличие требования подозреваемого или обвиняемого либо ходатайство защитника об участии защитника.**

В связи с этим Конституционный Суд, принимая за основание выраженные в настоящем пункте правовые позиции, находит, что положение оспариваемой нормы Кодекса об обуславливании участия защитника в следственных и других процессуальных действиях, осуществляемых при участии подзащитного, наличием требования **подозреваемого или обвиняемого о таком участии**, также в нарушение положений части 1 статьи 43 Конституции, выступает как положение, ограничивающее конституционные права на правовую защиту в государственных органах и на получение юридической помощи и, как следствие, ограничивающее конституционное право на эффективные средства правовой защиты в государственных органах. Более того, подобное ограничение также не преследует какой-либо правомерной цели.

Что касается положения оспариваемой нормы Кодекса об обуславливании участия защитника в следственном или другом процессуальном действии, осуществляемом с участием подзащитного, **представлением ходатайства к началу действия**, которое заявитель оспорил с точки зрения правовой определенности, Конституционный Суд, принимая за основание выраженные в настоящем пункте правовые позиции, считает необходимым оценить словосочетание к “началу действия” в оспариваемых положениях Кодекса не с точки зрения

его соответствия требованиям правовой определенности, а с точки зрения обязательности ходатайства защитника для участия защитника и временного ограничения его участия в следственном и другом процессуальном действии. В этой связи, принимая за основание выраженные в настоящем пункте правовые позиции, Конституционный Суд находит, что положения об обязательности ходатайства защитника для его участия и временного ограничения его участия в осуществляемом **при участии подзащитного** следственном или другом процессуальном действии, также в нарушение статьи 43 Конституции, выступают как положения, ограничивающие конституционные права на правовую защиту в государственных органах и на получение юридической помощи и, как следствие, ограничивающие конституционное право на эффективные средства правовой защиты в государственных органах, и не преследуют какой-либо правомерной цели.

Кроме того, учитывая то обстоятельство, что согласно другим положениям оспариваемой нормы Кодекса подозреваемый или обвиняемый наделены правом в любое время требовать участия защитника в следственном или другом процессуальном действии, осуществляемом с их участием, то есть в случае отклонения ходатайства защитника, независимо от того, подано ли это ходатайство до начала следственного или другого процессуального действия или после, защитник опять же может участвовать в следственном или другом процессуальном действии, если этого требует подозреваемый или обвиняемый, Конституционный Суд считает, что временное ограничение в оспариваемой норме Кодекса участия защитника в следственных или других процессуальных действиях, осуществляемых при участии подзащитного, также является необоснованным, следовательно, не преследующим какой-либо правомерной цели.

В связи с оспариваемой нормой Кодекса Конституционный Суд находит, что **во всех случаях защитник должен иметь право участвовать в следственных или других процессуальных действиях, осуществляемых с участием подзащитного, без представления какого-либо ходатайства и независимо от того, имеется или не имеется требование подозреваемого или обвиняемого относительно такого участия.**

В связи с этим Конституционный Суд принимает к сведению во-

шедший в обращение в Национальном Собрании РА дополненный вариант проекта Уголовно-процессуального кодекса РА (код документа К-084-14.09.2012, 10.06.2013-ПИ-010/0) и считает заслуживающим внимания правовое регулирование, закрепленное в пункте 3 части 1 статьи 49 проекта, озаглавленной “Права и обязанности защитника”.

7. В результате анализа соответствующих законодательств отдельных стран относительно предмета спора Конституционный Суд констатирует, что закон не обуславливает участие защитника в следственных или других процессуальных действиях проявлением воли органа уголовного преследования и не предусматривает никаких временных ограничений участия защитника в уголовном производстве, тем самым предоставляя защитнику возможность воспользоваться теми правами, которыми наделен подзащитный.

Конституционный Суд считает необходимым констатировать, что относительно гарантированного статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод права на справедливое судебное разбирательство определенные правовые позиции выразил также Европейский суд по правам человека. В частности, Европейский суд по правам человека в постановлении, вынесенном 8 февраля 1996 года по делу *John Murray v. The United Kingdom*, выразил следующие правовые позиции:

“62. ... Особенности применения пункта (с) части 3 статьи 6 в ходе предварительного расследования зависят от особенностей процесса и обстоятельств дела.

63. ... Статья 6 при нормальных условиях требует, чтобы обвиняемому была дана возможность воспользоваться помощью юриста с самого начального этапа полицейского дознания. Тем не менее это право, которое четко не предусмотрено Конвенцией, может быть ограничено правомерной целью. В любом деле вопрос заключается в том, на самом ли деле в свете всего судопроизводства ограничение не лишило обвиняемого справедливого судебного разбирательства”.

Рассматривая оспариваемую норму в свете вышеупомянутых правовых позиций Европейского суда по правам человека, сопоставляя ее с нормами, регулирующими подобные правовые отношения в иных государствах, Конституционный Суд находит, что установленные ими

ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РА

правовые регулирования содержат реальную угрозу несоразмерного ограничения прав.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, пунктом 8 части 1 статьи 101, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 68 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **П О С Т А Н О В И Л:**

1. Признать пункт 3 части 1 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса РА в части закрепленных в нем формулировок *“с разрешения органа уголовного преследования”* и *“если этого требуют подозреваемый или обвиняемый либо об этом к началу действия ходатайствует сам защитник”* противоречащим части 1 статьи 18, положению, закрепленному первым предложением части 1 статьи 20, и положениям части 1 статьи 43 Конституции Республики Армения и недействительным.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

8 октября 2013 года
ПКС-1119